

Дискурсы этики. 2021, 1(11): 65—96

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2021/12/DE2021_1_11_65-96.pdf

УДК 17

ЭТИКА КАК НАУКА И ПРОФЕССИЯ

Материалы круглого стола кафедры этики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета К трехсотлетию юбилею Санкт-Петербургского государственного университета

Перов В. Ю., Артёмов Г. П., Барташевич Т. Ю., Бродский А. И., Держивицкий Е. В., Ковалёва Т. В., Ларионов И. Ю., Овчинникова Е. А., Положенцев А. М.

текст:

поступил в редакцию 27.05.2021

принят к публикации 29.11.2021

опубликован (онлайн) 27.12.2021

© Перов Вадим Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, доцент каф.этики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, адрес для корреспонденции: v.perov@spbu.ru. Артёмов Георгий Петрович, доктор философских наук, профессор, профессор каф.этики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Барташевич Татьяна Юрьевна, кандидат философских наук, доцент, доцент каф.этики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Бродский Александр Иосифович, доктор философских наук, профессор, профессор каф.этики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Держивицкий Евгений Викторович, кандидат философских наук, доцент, доцент каф.этики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Ковалёва Татьяна Викторовна, кандидат философских наук, доцент, доцент каф.этики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Ларионов Игорь Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, доцент каф.этики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Овчинникова Елена Анатольевна, кандидат философских наук, доцент, доцент каф.этики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Положенцев Андрей Михайлович, кандидат философских наук, доцент, доцент каф.этики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. Общая тема круглого стола позволила акцентировать внимание на проблемах, которые вновь стали актуальными в современном обществе: о роли и статусе этики как этического знания и влиянии этого знания на нравственность. Эти вопросы получили новое значение благодаря: во-первых, развитию прикладных и профессиональных этик, во-вторых, появлению профессиональных этиков, чья деятельность не ограничивается сферами науки и образования, в-третьих, развитием экспериментальных методов, претендующих на кардинальные изменения социально-гуманитарного, в том числе этического знания, в-четвертых, социальным трансформациям, которые влияют на саму нравственность (например, широко обсуждаемая «новая этика»). Особое внимание в ходе обсуждения было уделено вопросам особенностей этического знания в процессах преподавания этики. Было отмечено, что в теоретическом плане актуальность этих проблем связана с современными исследованиями «моральных интуиций» и «народной морали». Участники отметили, что вопросы об особенностях, структуре и значении этики были предметом обсуждения в истории российской моральной философии. Современные прикладные этические исследования, с одной стороны, расширяют этическое знание, с другой стороны, дают основания утверждать, что в современном обществе нет областей, свободных от морали. При обсуждении особенностей современной этики было отмечено, что присущая ей междисциплинарность требует выработки особого терминологического аппарата, который может, в том числе, обеспечить взаимопонимание особенностей возникновения и решения этических проблем представителями разных наук и профессий.

Ключевые слова: этика, прикладная этика, профессиональная этика, этическое образование, междисциплинарность.

Текст подготовлен в рамках грантов: РФФИ №19-011-00234; РФФИ №19-011-00766; РФФИ №20-011-00124.

Discourses of Ethics. 2021, 1(11): 65—96

ISSN 2311-570X (online)

permanent link

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2021/12/DE2021_1_11_65-96.pdf

ETHICS AS RESEARCH AND PROFESSION

The Proceedings of the Workshop of the Department of Ethics, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University

Towards the 300th Anniversary of St. Petersburg State University

Perov Vadim, Artyomov Georgiy, Bartashevich Tatiana,

Brodsky Alexander, Derzhivitskij Evgenij, Kovaleva Tatiana, Larionov Igor,

Ovchinnikova Elena, Polozhentsev Andrey

received 27.05.2021

accepted 29.11.2021

published (online) 27.12.2021

© Vadim Yu. Perov, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Department of Ethics, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, St.Petersburg, Russia.
Correspondence to: v.perov@spbu.ru. Georgiy P. Artyomov, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Department of Ethics, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, St.Petersburg, Russia. Tatiana Yu. Bartashevich, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Department of Ethics, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, St.Petersburg, Russia. Alexander I. Brodsky, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Department of Ethics, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, St.Petersburg, Russia. Evgenij V. Derzhivitskij, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Department of Ethics, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, St.Petersburg, Russia. Tatiana V. Kovaleva, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Department of Ethics, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, St.Petersburg, Russia. Igor Yu. Larionov, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Department of Ethics, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, St.Petersburg, Russia. Elena A. Ovchinnikova, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Department of Ethics, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, St.Petersburg, Russia. Andrey M. Polozhentsev, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Department of Ethics, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, St.Petersburg, Russia.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: The general theme of the round table made it possible to focus on the problems that have again become relevant in modern society: the role and status of ethics as ethical knowledge and the impact of this knowledge on morality. These issues have gained new meaning due to: firstly, the development of applied and professional ethics, secondly, the emergence of professional in ethics, whose activities are not limited to the spheres of science and education, and thirdly, the development of experimental methods that claim to radically change the social and humanitarian, including ethical knowledge, fourth, social transformations that affect morality itself (for example, the widely discussed «new ethics»). During the discussion, special attention was paid to the issues of the peculiarities of ethical knowledge in the processes of teaching ethics. It was noted that, in theoretical terms, the relevance of these problems is associated with modern studies of «moral intuitions» and «folk morality». The participants noted that questions about the characteristics, structure and meaning of ethics were the subject of discussion in the history of Russian moral philosophy. Actual applied ethical research, on the one hand, expands ethical knowledge, on the other hand, provides grounds to assert that in contemporary society there are no "moral-free" zones. When discussing the features of modern ethics, it was noted that its inherent interdisciplinarity requires the development of a special terminological apparatus, which can, among other things, ensure mutual understanding of the peculiarities of the emergence and solution of ethical problems by representatives of different sciences and professions.

Keywords: ethics, applied ethics, professional ethics, ethical education, interdisciplinarity

Funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR):
РФФИ №19-011-00234; РФФИ №19-011-00766; РФФИ №20-011-00124.

Перов В.Ю.¹

Уважаемые коллеги! Вашему вниманию предлагается круг дискуссионных вопросов, связанных с особенностью этического знания и его преподавания. Существует точка зрения, что для того, чтобы быть нравственным (добродетельным) человеком никаких специальных знаний, строго говоря, не нужно. Тогда возникает вопрос о том, зачем вообще изучать этику? Чему можно при этом научиться? Иначе говоря: зачем профессионально изучать этику? Специалисты в прикладных и профессиональных этиках — это прежде всего профессионалы с правильными «моральными интуициями» и элементами этических знаний, или этики с элементами знаний в соответствующих областях? Можно ли утверждать, что за свою историю этика как знание (этическое знание) кардинально изменилась? В каких смыслах можно говорить о «новой этике»? Список подобных вопросов можно продолжить, но для начала я позволю высказать свою точку зрения на некоторые из них.

Обсуждения вопросов о том, что представляет собой этическое знание, в чем его особенности, как обладание этим знанием влияет и влияет ли вообще на добродетельное поведение и т.д. ведутся со времен первых этических споров в античности. Можно выделить основные две взаимосвязанные линии таких дискуссий. Во-первых, это то, что может быть обобщенно названо проблемой научности этики. Начало этому было положено Аристотелем в рамках его критики этического гносеологизма сократовско-платоновской традиции. В русле этой дискуссии Д.Юмом была сформулирована проблема «сущего-должного», И. Кант разделил теоретический и практический разум, что выступило основанием для неокантианцев обосновать различия меж-

¹ Материалы выступления В.Ю. Перова подготовлены при финансовой поддержке РФФИ, проект №19-011-00234.

ду «науками о природе» и «науками о духе». С начала XX века под влиянием аналитической традиции в философии споры о научности этики не утихают, при этом ответы и интерпретации варьируются от полного отрицания научного статуса этики до попыток создания строгих «научных этик» или «этик, базирующихся на научных началах». Во-вторых, это вопросы о значении этического знания в нравственном поведении. Данная дискуссия уходит своими корнями в споры софистов и Сократа, предметом которых было то, что сегодня можно назвать «этическим образованием». В диалоге Платона «Протагор» был поставлен вопрос о том, что если добродетелям можно научить, то почему не существует специальных учителей добродетелей. В современной этике можно найти аналог этой дискуссии, которая была во многом инициирована в рамках такого направления как «экспериментальная моральная философия» (осознавая, что это название охватывает множество близких, но не тождественных концепций). В обсуждаемом контексте исследователи проводят эксперименты с «моральной интуицией» и «народной нравственностью», результатом которых зачастую оказывается критика рациональной моральной философии — как того знания, которое может быть плодотворно использовано при принятии моральных решений и имеет значимое влияние на нравственное поведение человека. Не имея возможности детально анализировать такие исследования, следует обратить внимание, что в большинстве из них хотя и проводится различие между «сознательным» и «интуитивным» «уровнями» морального сознания, но акцент делается именно на «интуитивном». Но это различие является существенным не только для морального сознания, но и для понимания многомерной структуры нравственности. В качестве иллюстрации можно упомянуть проведенные преподавателями кафедры этики СПбГУ исследования а) морального доверия (Артемов Г.П., Перов В.Ю., и др.), в котором обоснована идея о не сводимых друг к другу видах доверия (межличностное и институциональное); б) моральной легитимации (Артемов Г.П., Перов В.Ю., Ларионов И.Ю. и др.) (например, апробативная и рациональная легитимация). Если межличностное доверие и апробативная легитимация преимущественно основаны на «интуиции», и являются предметом морального воспитания, на-

правленного на «управление» этими «интуициями», то институциональное доверие и рациональная легитимация основаны на аргументированном и обоснованном знании, и в силу этого являются предметом этического образования. Сказанное ни в коем случае не принижает значения и роли морального воспитания. Кроме того, нужно учесть, что и приемы и методы морального воспитания как целенаправленного процесса так же предполагают рациональное обоснование в рамках этического знания и являются предметами этического образования.

Особенно важное значение рационального этического знания проявляется в прикладных и профессиональных этиках. Спор «профессионалы» vs «этики» выглядит бесконечным. Говоря упрощенно, активная фаза этих дискуссий началась со времени бурного роста прикладных и профессиональных во второй половине XX века. Во многом философская этика почти повторила судьбу философии в XIX веке, когда под влиянием возникшего позитивизма стала распространяться идея «каждая наука сама себе философия». По аналогии можно говорить о возникновении тезиса «каждая профессия сама себе этика» (далее речь пойдет именно о профессиональных этиках). Несмотря на то, что правильность такого тезиса была многократно теоретически и практически подвергнута сомнению и оспорена, взаимная подозрительность между «профессионалами» и «этиками» продолжает существовать, несмотря на многочисленные примеры плодотворного сотрудничества между ними. Среди самых распространенных встречных претензий можно сформулировать следующие: «профессионалы» обвиняют «этиков» а) в отсутствии специальных профессиональных и фактических (эмпирических) знаний; б) в излишней сложности этических рассуждений и используемой терминологии. В ответ «этики» отмечают, что «профессионалы» а) ошибочно сводят этические проблемы к профессиональным технологиям и процедурам, лишая этику «морального измерения»; б) упрощают этические феномены почти до искажения, в том числе посредством некорректного использования этической терминологии. Следует признать, что можно наблюдать примеры правоты и неправоты обеих сторон. При этом, профессионально находясь на стороне «этиков» и на основе проводимых исследова-

дований в области прикладных и профессиональных этик, следует отметить: (1) наличие профессиональных знаний и опыта одновременно может быть источником профессиональных искажений, в том числе и в этических вопросах. Эти вопросы в большинстве являются общественно значимыми и не могут быть отнесены только к внутреннему профессиональному делу, что предполагает, наряду с профессиональным, наличие и критического взгляда «стороннего наблюдателя». (2) Предыдущее обстоятельство означает, что их решение не может осуществляться исключительно на «интуитивно-бессознательном» уровне обыденного морального сознания, а требует рационально обоснованных подходов на основе специального этического знания. (3) Последнее подразумевает, что в профессиональных сферах необходимо организовывать этический дискурс, писать этические документы (кодексы, декларации и т.д.), создавать структуры для их функционирования (этические комитеты и комиссии), разрабатывать процедуры распространения и внедрения норм профессиональной этики (этическое обучение) и т.д. Существенно, что вся эта и подобная деятельность не является деятельностью «профессионалов» (врач — это прежде всего специалист в медицине, но не в этике и т.д.), а относится к сфере компетенций «специалистов-этиков». Перечисленные обстоятельства во многом обуславливают и особенности современного образования в области прикладных этик: это не обучение профессионалов соответствующим этическим дисциплинам (что при необходимости осуществляется в рамках соответствующих образовательных программ), а подготовка специалистов в области этики со знаниями именно в прикладных и профессиональных этиках.

Уважаемые коллеги, кратко обозначив свое видение ответов на сформулированные вопросы, я предлагаю Вам высказаться, в том числе и по тем из них, которые я не затронул (в частности, про «новую этику»). Думаю, что целесообразно начать с историко-этического курса.

Овчинникова Е.А.¹

Следует отметить, что, хотя «расцвет» прикладных этик начинается со второй половины XX века, сам термин «прикладная этика» появился в русской мысли в конце XIX века в названии работы Вл. Соловьева. Возник он не случайно, поскольку русская мысль стремилась в этот период перейти от метафизических исканий к насущным проблемам нравственной жизни, которые были обозначены Соловьевым в работе «Оправдание добра»: уголовный вопрос, экономический, национальный, проблема войны, нравственности и права и др. и, несомненно, требовали от русского общества своего осмысления. В моральных дискуссиях формировалась, нравственно организовывалась русская общественность. Этик в парадигме данного исторического периода — это, прежде всего, моральный философ, писатель, который выявляет проблемы, представляет их анализ, призывая общество к дискуссии, обозначению позиций, убеждений (используя концепт, предложенный М. Вебером в работе «Политика как призвание и профессия», это человек убеждений). Об этом свидетельствуют и напряженные дискуссии по моральным проблемам в русском обществе (знаменитая полемика Вл. Соловьева и Б.Н. Чичерина, спор Соловьева и Толстого и др.). В задачи прикладной этики данной эпохи входило определение проблем в сфере общественной жизни как организованной нравственности. Профессиональным поприщем этика было преподавание и литературная деятельность. На протяжении многих десятилетий этика как профессия была представлена в образовательном пространстве, из которого она периодически вытеснялась в силу идеологических влияний.

К XXI веку в предметное поле прикладной этики включается не только анализ открытых моральных проблем современного общества, но, прежде всего, инструментарий, направленный на решение этих проблем: методология этической экспертизы, модели решения моральных дилемм, разработка и внедрение этических кодексов и т.д. Меняется и представление о месте и роли этика-профессионала. Из теоре-

¹ Материалы выступления Е.А. Овчинниковой подготовлены при финансовой поддержке РФФИ, проект №19-011-00766.

тика, морального философа, преподавателя этики он превращается в практика, отвечающего на запросы и ожидания общества. От него требуется особая этическая компетентность, наличие знаний, которые позволяют принимать решения от имени общества и высказывать моральные оценки, и, в то же время, владение инструментами этического анализа и умение осуществить этический аудит, экспертизу, кодификацию. Мы вновь возвращаемся к модели М. Вебера — что будет доминировать в современном обществе — этика убеждений или этика ответственности?

Таким образом, можно сказать, что прикладной этик — это профессионал, выступающий от имени знания, поле деятельности которого — общество, понимаемое как организованная нравственность, а прикладная этика для него есть призвание и профессия.

Барташевич Т. Ю.¹

Продолжая историко-этические рассуждения, мне бы хотелось обратиться к статье А.Ф. Лосева 1912 года «Этика как наука». Не имея возможности останавливаться на подробном анализе статьи, лишь кратко изложу ее логику рассуждений, следуя которой попробую ответить на вопрос Вадима Юрьевича, изменилась ли этика как наука. Лосев выделяет отдельные части этики (метафизика нравственности, психология и социология нравственности, технология нравственности) и задается вопросом о научности каждой из частей. С обоснованием научности метафизики нравственности трудностей не возникает (предложенное обоснование может быть справедливым и по сей день). Научность психологии морали Лосев выводит из научности собственно психологии, а социологии морали — из научности таких исторических дисциплин, как этнография и этнология. Технологию же нравственности философ относит исключительно к практической стороне этики, не называя ее научной дисциплиной, хотя Лосев и отмечает, что практическое отношение к объекту изучения является главным

¹ Материалы выступления Т.Ю. Барташевич подготовлены при финансовой поддержке РФФИ, проект №19-011-00766А.

признаком науки. Следуя логике Лосева, предлагаю порассуждать, что изменилось в «научности» этики — каково на сегодняшний день доказательство научности отдельных ее частей, а также про сами части — охватывает ли деление, предложенное Лосевым, все области этической науки? Можно ли современную этику с учетом произошедших изменений назвать «новой этикой»?

Вообще что такое «новая этика»? Как правило, с «новой этикой» связывают распространение, так скажем, прогрессистских ценностей, проявление культурной эмансипации в форме заботы об индивидуальных границах и правах личности, возможности свободомыслия, политкорректности и т.д. Однако справедливо ли применять оборот «новая этика» ко всей области этического знания? Может быть, правомернее говорить о некоей новой моральности, новой нравственной реальности, новой общественной нравственности (в научной публицистике встречаются также такие обороты, как «новая моральная чувствительность», «новая моральная аллергия»), но не о новой этике как таковой? Если мы подразумеваем под этикой всё-таки науку, область философского знания, то она как была этикой, так ей и остаётся по существу (по крайней мере, в части метафизики нравственности, по Лосеву). Да, появляются новые задачи, новые проблемы или, как любят говорить, вызовы современности, на которые этика вынуждена или должна реагировать, вырабатывая новые методы, привлекая новые ресурсы и технологии. И если Лосев намеренно не выделял во второй и третьей частях этики отдельные этические дисциплины, то сегодня, полагаю, это выделение необходимо. Она позволит продемонстрировать основные направления и перспективы развития этики и как научной дисциплины, и как профессии.

Изменился основной фокус этики: если раньше главной задачей этики было воспитание добропорядочного человека (посредством трансляции представлений о добре, зле и свободе воли — то есть основной «труд» ложился на плечи метафизики нравственности, теоретической, нормативной этики), то сегодня, как справедливо об этом говорил В.Ю. Перов, задача этики как науки и этика как профессионала не в воспитании, а прежде всего в создании таких условий, в которых люди

могли бы быть добропорядочными, условий, в которых моральные субъекты смогли бы открывать в себе и культивировать в том числе и интуитивные способности или склонности к нравственности (о чем говорит А.И. Бродский в своем сообщении). Каким образом? В профессиональной сфере и области прикладных этик — посредством этического кодифицирования, аудита, экспертизы, разработки этических стандартов и т.д. То есть, доминирующую роль начинает играть именно технология нравственности (по терминологии Лосева), с безусловной опорой на разработки теоретической этики.

Этика развивается, расширяется ее проблемное поле. В связи с этим предложенное Лосевым деление на психологию и социологию нравственности не является исчерпывающим. Новые задачи порождают новые научные направления в этике. Биоэтика, нейроэтика, робоэтика, этика бизнеса, моральная экспертология и т.д. Да и собственно психология и социология морали как научные направления не стоят на месте — оформляются в самостоятельные научные направления с собственным предметом исследований, обретают научную независимость от чистой психологии и социологии, начинают сосуществовать с ними на равных. Междисциплинарность (о которой подробно будет сказано в докладе Т.В. Ковалевой) является сущностной характеристикой современной этики. Развитие второй и третьей частей этики (по Лосеву) дает почву для развития теоретической этики в виде рефлексии на уровне теоретического оформления понятий и категорий, нормативного оформления анализа моральных практик и эмпирических данных (см. сообщение Г.П. Артёмова). Примечательно, что все обозначенные направления в той или иной степени представлены как в научных исследованиях на кафедре, так и в учебных курсах.

Держивицкий Е.В.

Дискуссии о месте и роли этического знания, особенно когда речь идёт о сферах социальной жизни и профессиональной деятельности, не могут обойти проблему значения морали в этих областях. Зачастую спор строится вокруг утверждения о том, что есть такие из них, которые принципиально свободны от нравственности. Очень показатель-

ными являются исторические и современные дискуссии о роли морали в политике и о добродетельности профессиональных политиков. С незапамятных времен мыслители-моралисты, движимые осознанием своего нравственного долга, и откликаясь на лестные просьбы власть имущих, предпринимали попытки сделать политику более моральной — в соответствии с этическими ценностями эпохи. Для кого-то, как для Сенеки или Фомы Бекета, это стоило жизни, для кого-то, как для Платона или Вольтера — «всего лишь» разочарования в своих усилиях и в человеческой природе вообще. Иные примеры, когда моральные наставления оказывались впрок, как, например, в случае с Торквемадой или К.П. Победоносцевым, скорее, убеждают в том, что лучше бы их венценосные ученики такую мораль не изучали вовсе. Пожалуй, единственным исключением — подтверждающим правило — было преподавание «царской науки» Аристотелем, но ему просто повезло с учеником, равным ему по масштабу личности. Так может быть, правы были вероломный Ци Ши Хуан-ди, пригласивший четыреста мудрецов со всего Китая, якобы желая выслушать их моральные наставления, а затем приказавший закопать их всех заживо, или более гуманный Н. Макиавелли, доказывавший самостоятельный характер политики тем, что если и существует вид деятельности, свободный от морали, то это — политика? При том, что история, что давняя, что современная, упрямо убеждает нас, что хороша та политика, которая исключает моральные цели и императивы, точнее, декларирует их на уровне риторики, но никогда им не следует?

В современной научной литературе весьма распространена точка зрения о том, что нет большего несчастья для общества, чем совестливый политик (речь в данном случае не идет о злоупотреблениях властью в личных интересах, что является, скорее, проблемой из области права), которому граждане доверили обеспечивать их благополучие, первым из которого является безопасность. Оговоримся, что сторонники такого подхода вовсе не отказывают политику в праве быть совестливым человеком — но лишь когда он в данный момент не принимает политических решений, а находится в кругу близких или пишет мемуары. Еще Цицерон, будучи юристом и вполне нравствен-

ным человеком, рассуждая о том, что должен предпочесть в своей деятельности хороший государственный деятель — справедливость или благоразумие (поскольку сочетать их удастся редко) — однозначно высказался в пользу второго. Справедливость едина по отношению ко всему человечеству, а благоразумие направлено только на благо своего народа, даже если при этом приходится поступать несправедливо по отношению к народам другим. За прошедшие две с лишним тысячи лет сомнение в правоте этой сентенции приводило к катастрофическим событиям в политическом измерении, примером чему могут служить «рыцарское», как им самим казалось, поведение по отношению к союзникам Николая I или Николая II. То же самое можно сказать и по поводу прочих этических ценностей или заповедей, вроде «не убий!» и пр. Если же исходить, далее, из того, что одним из свойств моральных ценностей является их претензия на универсальность, то, очевидно, применение их к политике либо крайне ограничено, либо вовсе разрушительно.

С другой стороны, мораль всегда присутствует в политической деятельности, а иногда даже оказывается лучшим аргументом при убеждении политиком своих сограждан в своей правоте. Президенты Ф. Рузвельт или Р. Рейган, премьер-министр У. Черчилль и многие другие, настаивая на необходимости борьбы с тоталитарными режимами, апеллировали не к политическим взглядам своих соотечественников, а именно к их моральным чувствам. То есть вступали на территорию морали: ведь нормативная (классическая) этика оперирует категориями и ценностями, исключающими возможность предпочтения «зла». Если в «повседневной» политической деятельности правило «цель оправдывает средства» или выбор в пользу меньшего зла приемлемы, то в Большой Политике, как и в Этике, применение аморальных средств дискредитирует моральность цели. Однако это всё было, пусть и в недавнем, но в прошлом, сейчас же доминирует представление, что политик в определённых ситуациях не имеет права действовать как моральный субъект (а, напротив, должен лгать, прибегать к насилию и т.д.). Современная (новая?) политическая этика допускает аморальные действия политика из высших соображений (национальная безопасность, стремление к благу своего народа даже в ущерб

благу других народов и пр.), при условии, что он хотя бы не нарушает нормы международного права и не выходит за рамки установленных приличий.

Это не означает, что сфера политической деятельности отдана на откуп только политикам как «профессионалам», вполне компетентным — раз они достигли успеха на выборах — в вопросах не только политики, но и всех других сфер жизни общества. В той или иной степени, мораль ограничивает (или укрощает) современных политиков. Но особенность политики как деятельности, не регулируемой едиными на все времена и для всех случаев правилами, как бы выводит ее из-под нравственных санкций, которые проявляются лишь в весьма ограниченных и не конкретных формах. Например, существующие кодексы (государственного служащего, парламентария и т.д.) по большей части направлены на воздержание от злоупотреблений властью и на рекомендации личного поведения, имеющие отношение не столько к этике, сколько к этикету. Политические консультанты, рекомендуя разнообразные стратегии достижения успеха на выборах, используют мораль не более чем часть имиджа кандидата. Политические советники также прибегают к ней лишь как к средству укрепления рейтинга президентов при принятии непопулярных решений или оправдания их действий на международной арене. В этических комитетах национальных парламентов нет ни одного человека с этическим или хотя бы близко связанным с ним образованием.

Значит ли это, что мы должны признать, что современная политика — это единственный вид деятельности, свободный от морали? Как представляется, всё-таки нет. Во-первых, политика и политики могут и должны быть предметом пусть и специфического, но всё же этического анализа. И не только перед «судом истории», но и в рамках научной или широкой общественной дискуссии. Или даже более того: две последние попытки импичмента американским президентам инициировались по обвинению не в государственном преступлении, а во лжи, то есть доводы приводились не из области права, а из области морали. Во-вторых, очевидно, что представление о непроницаемости для морали любого, особенно такого важного для жизни общества вида

деятельности как политика, чревато вполне предсказуемыми и всегда катастрофическими последствиями. Наконец, проблема слабого влияния морали на политическую сферу свидетельствует не столько об их принципиальной нередуцируемости, сколько о не полной пригодности подходов классической этики для этой цели, ригористический характер которой несовместим с допущением «зла». Вероятно, выработка более объективного и справедливого алгоритма морального регулирования политики возможна в рамках междисциплинарного подхода, включающего достижения современной прикладной этики.

Ковалева Т.В.¹

Очень удачно Евгений Викторович завершил своё выступление призывом к междисциплинарности. Современный специалист по этике в своей практике обычно руководствуется профессиональной и прикладной этикой для решения проблем в смежной профессиональной сфере. Так или иначе, этик вынужден обладать знаниями и компетенциями сразу в нескольких профессиональных или научных областях. В основе его работы лежит междисциплинарность, которая позволяет объединить два или несколько научных, или профессиональных направления. Например, начиная с 70-х годов XX в. этика стала мостом, который соединил гуманитарные науки и естественные. В. Поттер своим примером смог убедить научный мир, что можно быть микробиологом и неплохо ориентироваться в философии, введя этику в бесконтрольные для нее научные области, переключив понимание «междисциплинарности» от узкой специализации к многопрофильности в изучении одного объекта или явления.

Междисциплинарность — это активный процесс, который возникает не в силу близости дисциплин, а скорее потому, что ученые из разных дисциплин могут работать вместе, участвовать в едином учебном процессе, писать совместные работы, состоять в одном комитете, выступать на общих конференциях и т.д. Такая кооперация ученых мо-

¹ Материалы выступления Т.В. Ковалёвой подготовлены при финансовой поддержке РФФИ, проект №20-011-00124.

жет называться междисциплинарной. При этом не существует универсального или общего метода междисциплинарности (Томпсон Кляйн). Установлено, что возможность интегрировать различные методы и теории друг в друга зависит от существующих релевантных методов и теорий. Метод будет, конечно, меняться в зависимости от конкретной проблемы исследования или от всего исследования в целом.

Междисциплинарность так же сталкивается с рядом практических проблем. В частности, общение через дисциплинарные границы может быть затруднено из-за недостаточных знаний в смежных дисциплинах или из-за использования узкопрофессиональной терминологии других дисциплин и расхождения в трактовке понятий. Однако существующие проблемы не могут заставить отказаться от исследований в области междисциплинарности, скорее, они служат предупреждением для тех, кто стремится развивать междисциплинарный метод исследования в прикладных и профессиональных этиках.

Междисциплинарность характеризуется интеграцией научно-профессиональных терминов из тех областей, которые имеют общий интерес в изучении одного и того же объекта или явления. Как в философию, так и в прикладную этику попадает большое количество заимствованной лексики из технических, математических, биологических наук. Так происходит с биоэтикой и философией биологии. Исторически так сложилось, что учредителями биоэтики и ее первыми исследователями были богословы и философы. Однако морально-религиозные догмы не могли получить должного отклика в сугубо натуралистической области биологии, микробиологии и генетике. В конце XX в. метаязык этих наук мощно интегрируется в этическое прикладное направление философии биологии. Философия биологии сливается с биоэтикой, которая теряет основной компонент, направленный на моральную оценку деятельности врачей и медработников. В. Поттер в своей монографии «Глобальная биоэтика» называет ее биомедицинская этика. Поскольку медицина всегда характеризовалась своей антропологичностью и культурно-социальной направленностью, взаимная интеграция метаязыков этики и медицины происходила органично и успешно. Медицинские термины, такие, как аборт и

эвтаназия приобрели социально-культурный смысл, которым пользуется этика для объяснения подходов в интерпретации общих и частных проблем, возникших из-за медицинских манипуляций. Совсем иная картина наблюдалась в философии биологии, поскольку в экспериментальной биологии, проводившей опыты над животными, статус и ценность которых постоянно подвергались сомнению, моральным регулятивам действий исследователя не уделялось должного внимания. В данном секторе науки культурные и социальные характеристики учитывались слабо. Микробиология, новая генетика, биоинженерия не нуждались в этических регуляторах своей деятельности из-за неявной антропологической составляющей, где культурные и социальные характеристики имели статус вторичности. Концепция субъектно-объектных отношений в эксперименте уже устоялась и позволяла исследователю не обращать внимания на моральные препятствия, поскольку основная цель исследования была направлена на благо человечества. При таких обстоятельствах интеграция новых терминов в этику из биологии, в большинстве своем, шла и по сей день идет обычно в одностороннем порядке. В связи с этим появляется ряд проблем: философия биологии остается закрытой зоной для гуманитарных исследователей из смежных областей, замена биологических терминов на близкие по значению и обиходные в какой-то гуманитарной сфере приводит к непониманию их со стороны не только биологов, но и со стороны специалистов смежных гуманитарных наук. Многозначность синонимичного ряда зачастую затрудняет взаимодействие ученых и вызывает недопонимание среди них.

Не менее важный вопрос поднимается этиками и в отношении исследования самого феномена междисциплинарности. В этом направлении исследовательская деятельность этиков направлена на отслеживание и анализ результатов деятельности новых научных направлений, таких как публичная, экспериментальная и полевая философия. Многие исследователи указывают на проблему отставания академической философии от контекста современности и ее замыкания на себе. И даже имея результаты исследований интуиции обыденного сознания (экспериментальная философия), она переводит их в этико-философский дискурс внутри себя. Отчасти этот факт мешает этикам-

теоретикам применить свои навыки в реальной практике для решения насущных жизненных проблем обычных людей. «Полевые работы» подразумевают активное участие в этических дискурсах, дискуссиях, касающихся различных аспектов жизни общества и затрагивающих разные профессиональные сферы. Академическая наука должна признать, что междисциплинарные проекты должны быть в приоритете, сотрудничество ученых из разных научных направлений должно поощряться, эпистемические барьеры, затрудняющие взаимопонимание и взаимосотрудничество, должны изучаться отдельно и должны быть разработаны стратегии для их преодоления. Но при этом полное погружение в социальные и политические баталии, а так же во внутринаучные дискуссии может привести к потере моральной цели и к нивелированию имеющихся этических задач.

Артёмов Г.П.¹

Продолжая общее направление предшествующих выступлений, хотелось бы остановиться на проблеме взаимосвязи этической теории и моральной практики, особенно в контексте необходимости использования эмпирических данных для этических концепций. Идея о том, что этическая теория отражает моральную практику и изменяется вместе с ней, является тривиальной и в этом смысле неоспоримой. Но что стоит за этим утверждением? Взаимосвязь этической теории и моральной практики можно проиллюстрировать на примере теоретической концепции морального доверия (доверия человека большинству людей) и эмпирических исследований доверия методами современной социологии. Принято считать, что моральное доверие человека другим людям основано на предположении, что они разделяют его ценности. Следует отметить, что в данном случае речь идет о традиционном доверии, доверии представителям «своего» сообщества, основанном на наличии общих ценностей. В современных условиях людям повседневно приходится взаимодействовать с представителями не только социального со-

¹ Материалы выступления Г.П. Артёмова подготовлены при финансовой поддержке РФФИ, проект №19-011-00234.

общества (национального, профессионального, статусного), членами которого они являются, но и с представителями других социальных сообществ, имеющих иные системы ценностей. Здесь основой доверия человека другим людям служит не общность ориентации на определенные ценности, а признание их в качестве равнозначных моральных субъектов независимо от их ценностных ориентаций, национальной, профессиональной, статусной и конфессиональной принадлежности.

Традиционное моральное доверие основано на положительном отношении человека только к похожим на него людям. Современное доверие основано на положительном отношении человека и к похожим, и к непохожим на него людям. Э. Усланер отмечает, что моральное доверие характеризуется позитивным отношением человека к представителям не только своей социальной группы, но и к представителям других социальных групп. Признание права на существование другого человека служит главным признаком новой культуры доверия, основанной на уважении различий, в отличие от старой культуры доверия, основанной на уважении сходств.

Традиционное доверие имеет преимущественно институционализованный характер, поскольку формируется и сохраняется у человека под внешним воздействием формальных структур социального взаимодействия. Современное доверие имеет преимущественно персонифицированный характер, поскольку формируется и сохраняется благодаря внутренней убежденности в необходимости одинакового отношения к каждому человеку. Оба вида доверия обеспечивают социальную солидарность индивидов и отношения взаимного уважения и взаимопомощи в разных типах современных обществ. Так, например, согласно данным 6-й волны Всемирного исследования ценностей (2010-2014 гг.), в Швеции и Китае существовали сопоставимые уровни доверия большинству людей, несмотря на различия в уровне модернизации этих стран. Согласно докладу «Модернизация в мире и в Китае», Швеция по интегрированному индексу модернизации занимала 3-е место в мире, а Китай — 75-е место. В то же время в Швеции абсолютное большинство опрошенных доверяли людям другой национальности и впервые встреченным людям, а в Китае абсолютное большинство опрошенных не доверяли этим категориям людей. Это значит, что в Китае преобладало традиционное доверие людям, основанное на ожидании добросовестного поведения только людей, похожих на основную часть населения

страны. В Швеции преобладало современное доверие, основанное на ожидании добросовестного поведения не только людей, похожих на основную часть населения страны, но и людей, отличающихся от основной части населения страны. Кроме того, в Китае число доверяющих государственным институтам было в два раза больше, чем в Швеции. Большинство населения Китая полагалось на государство в решении проблем своей жизни и считало, что обеспечение порядка в стране и борьба с ростом цен важнее защиты свободы слова и предоставления народу возможности влиять на решения правительства (в Швеции наблюдалась диаметрально противоположное соотношение этих ценностей). Это значит, что межличностное доверие у преобладающей части населения Китая сформировалось в основном под влиянием структур власти и имело институционализированный характер.

Приведенные данные свидетельствуют о необходимости использования результатов эмпирических исследований в анализе этических проблем. Теоретический и эмпирический анализ в этике должны дополнять друг друга для реализации теоретических выводов на практике с учетом ее специфического социального контекста и условий. Кроме того, этика должна переводить основные теоретически обоснованные моральные принципы в практические правила и что этот перевод должен основываться на эмпирических данных. Такой подход делает возможным концептуальный охват моральных практик.

Бродский А.И.¹

В той или иной степени все вопросы, которые поставил Вадим Юрьевич в своем докладе, восходят к первому: знает ли специалист по этике что-либо такое, чего не знает любой «приличный человек», и может ли этот специалист чему-либо научить? Ответ очевиден: разумеется, знает и может. Специалист по этике знает историю этических учений, может обозначить основные категории этики, может описать паттерны нравственности различных культур, разбирается в семантике и син-

¹ Материалы выступления А.И. Бродского подготовлены при финансовой поддержке РФФИ, проект №20-011-00124.

таксисе этических высказываний, способен научить грамотно составлять моральные кодексы и т.д. и т.п. Только, на мой взгляд, все эти знания не имеют никакого отношения к личной морали или практикуемой общественной нравственности. Иными словами, никакого «морального воспитания» специалист по этике дать не может и, более того, сам вовсе не обязательно должен являть собой пример «нравственной личности». Здесь имеет место та же ситуация, что и в другой науке, созданной Аристотелем: науке логике. Хотя некоторые учебники по логике утверждают, что логика может научить человека «правильно мыслить», в действительности и психологи, и педагоги хорошо знают, что человек может обладать блестящими логическими способностями, даже никогда не слышав о такой науке. И, наоборот, можно всю жизнь изучать логику и даже преподавать ее, обладая при этом весьма посредственными логическими способностями.

Что означает этот феномен? Разумеется, только то, что этика и логика даны нам бессознательно, интуитивно. Однако ни в том, ни в другом случае речь не может идти о чем-то «народном». О «народной логике» никто никогда и не говорит, однако выражение «народная нравственность» является весьма распространенным. На самом деле этика, как и логика, заложены не в «народном сознании», а в *природе человека*. *Природа человека* — это не метафора, а точное название вполне опознаваемой, хотя и трудно определимой, реальности. Природа человека свидетельствует, что основные интеллектуальные способности человека, и, прежде всего, та «инструментальная система» мышления, которая называется языком, являются продуктом биологической эволюции, а не культуры. («Генеративная грамматика» Н. Хомского и его последователей уже более полувека отстаивает подобный взгляд.) Наши исходные ценностные интуиции и нормативные требования к поведению — необходимая часть этой «инструментальной системы». Как утверждает современная аналитическая философия (в лице, например, Дж. Сёрла), обязательство изначально вплетены в структуру речи и основные правила языковой деятельности являются отдаленной основой внеязыковых институциональных структур, в том числе и морали.

Перов В. Ю.

Надеюсь, Вы не имеете в виду, что этика является чем-то врожденным?

Бродский А. И.

Речь, конечно, идет не о врожденности этических принципов или норм, а о врожденной способности к их конструированию. Причем эта способность как бы «вплетена» в нашу нейрофизиологическую способность к языковой деятельности вообще.

Все это, однако, не означает, что не может быть никакого этического воспитания. Но, во-первых, такое воспитание дается не этикой, а культурой в целом; а, во-вторых, оно представляет собой не столько формирование нравственности, сколько ее, так сказать, «активацию». Приведу для сравнения рассуждение Хомского о языке. Если способность к языку дана нам природой, то почему ребенок, вырванный из культуры и лишенный в первые 2-3 года жизни общения, речью уже не овладевает? Любой орган, отвечает Хомский, должен быть задействован в отведенное природой время. Заклейте котенку глаза, когда они у него начали прорезаться, а потом расклейте их. Котенок навсегда останется слепым. То же самое имеет место в формировании способности к языку. Примерно то же самое, на мой взгляд, можно утверждать и о морали. Незадействованные на определенном этапе онтогенеза типы реакций и формы поведения позднее уже не сформируются.

Чему же тогда может научить этик? Этические знания — это элемент теоретических знаний о человеке, и на практике они могут способствовать созданию адекватных природе человека институциональных структур. И здесь я хотел бы перейти сразу к последнему вопросу доклада Вадима Юрьевича: к проблеме новых явлений в этике. Любопытно, что новые явления в этике так и принято сейчас называть: «новой этикой». Конечно, этот термин не имеет еще четкого определения и

употребляется в разных смыслах. Но мне кажется, что можно обозначить «новой этикой» убеждение в равнозначности нормативно-ценностных систем различных сообществ: этнических, социальных, сексуальных и т. п. Это иногда называют «мультикультурализмом». Мультикультурализм как раз и является следствием веры в то, что человек есть исключительно продукт культуры: люди различных сообществ якобы мыслят по-разному, обладают разной логикой, и этические представления у них тоже различны. Мифы о различном мышлении у разных народов, эпох и сообществ частично развеяны: давно показано, что т. н. «особые типы мышления» — партисипативное (Л. Леви-Брюль), аффективное (В. Вунд), коллективное (Э. Дюркгейм) — вполне могут быть описаны средствами обычной логики. Но вера в различные ценностно-нормативные системы (вернее, вера в их равноценность) остается важным идеологическим трендом. Только противоположна такой «новой этике» не этика «традиционных ценностей», а этика «естественной морали».

«Традиционные ценности» — это как раз чистейший фейк мультикультурализма. В реальности нет никакого способа измерить историческую глубину и постоянство ценностных традиций. Поясню на примере. Когда говорят о традиционных ценностях, часто имеют в виду т. н. «семейные ценности»: крепкая семья, дети, здоровый образ жизни. Когда и где это стало ценностью? В Евангелии? Но Иисус говорил: «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, ... тот не может быть моим учеником» (Лк. 14:26); «И враги человеку домашние его» (Мф. 10:35-36). Может быть, начало семейных ценностей приходится на Средние века? Но жития святых — как православные, так и католические — часто начинаются именно с рассказа о разрыве с семьей («Житие Феодосия Печерского», «Житие Франциска Ассизского»). Может обратиться к русской классической литературе? Предлагаю начать ее анализировать в этом контексте с «Крейцеровой сонаты» Л.Н. Толстого. Или, может быть, исток семейных ценностей надо искать в другой традиции, например, античной? Скажем, у Платона? Но в «Государстве» семья вообще отрицается, а «Пир» лучше в этом контексте вовсе не упоминать... Если мы начнем разбираться, где же исток «семейных

ценностей», то, скорее всего, придем к знаменитому «Kinder, Küche, Kirche», т. е. к идеологической формуле совсем недавнего происхождения.

Современная «новая этика» — это совсем не новое явление. Она заявила о себе уже в эпоху Романтизма, противопоставившей просветительскому концепту единой Природы человека веру во всевозможные мифы и предрассудки. Она возродилась в середине прошлого века в структуралистском неомарксизме, описывавшем человека в качестве некоего агента анонимных социальных практик. (Сам Маркс, как известно, верил в «родовую сущность человека»). А из этого неомарксизма вырос чуть ли не весь т. н. постмодернизм. «Новая этика» — идеологический продукт постмодернизма, она является «вызовом» естественному моральному сознанию. Полагаю, что *этические знания* способны противостоять это идеологии.

Положенцев А. М.

Подозрительное отношение к этике (точнее, к этикам) имеет основания в той марксистской, и, в конечном итоге, позитивистской прививке, которую получило наше концептуальное сознание в Новейшее время. Это та же самая установка, которая утверждала, что кухарки могут и должны управлять государством. Почему бы, в таком случае, не предположить, что эти же кухарки вполне себе понимают, что такое хорошо и что такое плохо, кого «расстрелять», а кого «посадить». Заметьте, они готовы сами быть палачами и судьями без всякой подготовки, просто от широты души и от избытка праведности. Истоки такого отношения исходят из догмы, что мораль — это надстройка над «базисом», это конвенция, это что-то несерьезное. Вот производство, экономика, политика — вещи настоящие. В морали же достаточно опираться на пресловутое моральное чувство, которое не обманет. И получается, что наш моральный нигилизм еще глубже и циничнее правового.

Однако моральная реальность состоит из нескольких слоев, которые обладают разной степенью очевидности и разной силой воздействия.

Моральные чувства кажутся нам более фундаментальными, нежели концепты. Более того, как показывают вполне заслуживающие не только доверия, но и осмысления этиками достижения нейробиологии, наша нейрофизиологическая система способна сама принимать моральные решения (или внушать нам, что они моральные, предлагая нам то самое «моральное чувство»), и делает это, не спрашивая о том у нас разрешения. Нравственность — это вид социального кода, язык, на котором выражаются разные тексты, предложения. Помимо интуитивного слоя, который базируется на так называемом моральном чувстве, есть и слой понятийный, абстрактный, который истекает из логико-правовых установлений, из своеобразной игры с ними и на них. Это — дискурсивная реальность, и ее онтология зыблется на этом коде. Поэтому нет ничего необычного в том, что в этом коде порождаются новые предложения и новые термины — харассмент, например, камин-аут. Это говорит о том, что эта реальность жива. Нет никаких «вечных ценностей». Ценности возникают и рушатся. Такова их природа. Хотя они и «логосны», то есть выглядят неизменными. Это — тоже их природа.

За этой новизной нужно уметь видеть старые дискурсивные стратегии, которые характерны для современной эпохи вообще. Если мы придем к содержанию, а к тем основаниям, которые порождают эти новые феномены моральной жизни, мы увидим знакомую нам форму социальной безответственности, призывания к ответам других — социальные институты или формы политического господства, то есть — мораль и логику жертвы. Все это знаки дискурсивной логики и этики «заботы о тебе». «Me too» означает в этом ключе — я тоже жертва, меня тоже следует защищать. Я — маленький человек, который не может справиться с самим собой. Точнее — во мне самом отсутствует необходимая для преобразования меня самого сила воли. Нужна благодать, или, хотя бы, ефрейтор. Но движение обратное, например, движение «I'm too» вряд ли имеет перспективы в данном социальном дискурсе (кто-то еще помнит Кевина Спейси?) И потому эти феномены моральной жизни современности возвращают нас к нашим нерешенным проблемам, которые ставили социальные потрясения Новейшего времени. Мир разделился на взывающие к справедливости

массы и молчащих порочных преступников. Как правило, классовая принадлежность (как бы мы ее не стали называть сейчас) и аморальность в подобной этике находятся весьма близко друг от друга. Анализ себя, забота о себе, выдавливание из себя раба в таком моральном пространстве рискуют привести вас в стан обвиняемых.

В этой этике жертвы есть своя притягательность, но и нравственная нечистоплотность. Ты прав по определению, поскольку это над тобой вершилось несправедливое, насильное, жестокое. Ты по определению прав, поскольку был жертвой. Но эта всеправота может оказаться препятствием для нравственного совершенствования, поскольку ты в такой этике не являешься актором своих поступков. Это, в общем-то, «мораль раба». Она закрывает двери для конечной цели — самому быть добродетельным.

Так же неочевидно благие цели, при ярко выраженных благих мотивах мы видим в активно развивающемся сегодня институте благотворительности. Нам показывают лица страдающих детей, которые, конечно же, вызывают у нас моральное чувство сострадания и желание помочь. От нас просится незначительное *пожертвование* (опять эта сакральность). Кант не подавал нищим, объясняя это тем, что так мы плодим саму нищету как социальный институт. Незначительный взнос не способен помочь конкретному существу, но способен укрепить сам институт пожертвований. Вкладывая средства в жертву, мы тем самым создаем благоприятный климат для формирования социальной среды, в которой подобная форма выживания становится единственно возможной, невзирая на ее изначальную ущербность. Мы своими руками создаем жертв, видимо, тоже с какой-то целью. Жертвователи поднимаются на более высокую социальную ступень, в этом смысле потлача в традиционных экономиках (Мосс). Тем самым мы не только воспроизводим и закрепляем социальное неравенство, но и *освящаем* его.

Таким образом, под видом «новой этики» и апелляциям к моральным чувствам происходит архаизация моральной жизни, переход на докритический уровень, или, как гласит уже состарившаяся философско-историческая интуиция, формируется новое средневековье, новый

феодализм с милостынями золотушным и институционализацией жертвы. Между тем тщательный этический анализ подобных институтов и языка стоящих за ними «моральных» утверждений открыл бы нам не только суть процессов, происходящих в моральной сфере нашего общества, но и показал бы место, которое мы занимаем в исторической перспективе.

Ларионов И. Ю.¹

Для того, чтобы быть нравственным человеком, никаких специальных знаний не нужно? Возможно, так оно и есть. Однако людей, которые свои нравственные поступки не пытались бы обосновать какими-то «знаниями», найти трудно. Тем более, это не означает, что изучение этики не приносит никакой пользы. Организация взаимоотношений внутри любого сообщества обязательно предполагает скрытую или явную формулировку норм и ценностей, стремление к которым, выполнение которых способствует сохранению и развитию самого сообщества, а также его перспективам взаимодействия с другими сообществами. Рискну предположить, что в какой-то период человеческой истории очевидные преимущества оказались на стороне тех, кто не только имел некие стойкие моральные убеждения, но также пытался осмыслить и сам факт обладания ими, и их содержание, хотя такая ссылка на историю, разумеется, объясняет мало. Посмотрим на специфические особенности этики по сравнению с другими порядками обладания нормами и ценностями. Надеюсь также, что в ходе моего рассуждения получится также затронуть вопрос, должны ли специалисты в прикладных и профессиональных этиках иметь некие правильные «моральные интуиции», или опираться на этическое знание (я бы развел эти аспекты), а также обладать предметными знаниями в соответствующих областях.

Оттолкнувшись от такого, может быть, упрощенного, представления: большинство людей либо сохраняют нейтральное отношение к мо-

¹ Материалы выступления И.Ю. Ларионова подготовлены при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-00234.

ральным нормам и ценностям — и тогда можно сказать, что они их «знают»; либо «читают мораль» (то есть «поучают» других, вплоть до агрессивной борьбы за продвижение той или иной «морали»); либо уклоняются от соответствия тому или иному стоящему перед ними моральному требованию. До адекватных содержательных обоснований самих норм и ценностей люди доходят редко. В рамках трех указанных позиций может возникать тавтология и/или порочный круг («нужно делать так, потому что нужно»). Другой распространенный случай — та или иная форма натуралистической ошибки (биологизаторские апелляции к природе или неким социальным конвенциям, к традиции и нравам непогрешимых предков и т.п.). Наконец, рассуждения таких обыденных моралистов может содержать в себе даже научные дескрипции и апелляции к научным фактам, претендующие на обоснование морали.

Большинство современных значимых профессий основаны на естественнонаучных знаниях и методе, в которых нет места описанным выше позициям с характерными для них ошибками. Медик, инженер, экономист и т.п. в своих профессиональных суждениях осуществляют обоснованный переход от дескриптивных суждений к нормативным, чем вызывает известную зависть у гуманитариев. Переход этот основан на представлении о причинно-следственных связях в мире и на знаниях о фактическом положении дел. Однако суждения профессионала имеют форму прояснения возможности согласовать рассматриваемые экспертом заказы, проекты, проблемы и т.п. с — в широком смысле — законами природы. Возможности, но не необходимости. Однако специалисты-профессионалы остаются людьми, и иногда обращаются к вопросу, в чем могла бы заключаться нравственная сторона дела. Некоторые профессионалы в этом пункте переходят на позиции обыденного моралиста, описанные выше.

Что же этика? Исторически этика выступала с нормативных позиций и претендовала на способность определять подлинные ценности. Разумеется, нормативную этику нельзя рассматривать как простое нормотворчество, т.к. она предполагает философский (в частности — понятийный и критический) подход к предмету. Однако выскажу мысль,

что основной потенциал этики состоит не в этом, а в теоретико-категориальном исследовании норм и ценностей как таковых (т.е. без трансцендирования типа «"благо" есть "NN"» — акт, достаточный для превращения философии в нормативное учение). Причем в этом измерении различие (иногда даже противопоставление) «традиционной» и прикладной этики мне кажется несущественным. Осуществление философской работы теоретико-категориального исследования общезначимых норм и ценностей создает (во всяком случае, всегда может создать) «метауровень», «второй порядок» рассмотрения проблем, в свернутом виде заключенных в тех или иных моральных нормах и ценностях. Приведу два примера.

Структура «Основ метафизики нравов» И. Канта — переход от обыденного нравственного познания из разума к философскому. Переход от популярной нравственной философии к метафизике нравственности отражает осознанное автором различие подходов и уровней исследования. Введя понятие метафизики нравов (как исходящей из принципов а priori, но обращающейся к предметам рассудка философию, предмет которой — законы свободы) и согласовав его с принципом автономии воли, Кант одновременно преодолевает и обыденный морализм, и проект этики как «исчисления» аффектов, характерный для многих мыслителей Нового времени. Выделение «практической антропологии» позволяет преодолеть соблазн превращения этики в чисто дескриптивную науку. Формализм кантовской этики оказался необычайно плодотворным подходом в решении этих теоретических вопросов.

Постановка проблемы в «Principia ethica» Дж.Э. Мура с самого начала указывает на позицию философа: если моральные учения можно рассматривать как ответы на определенные (моральные) вопросы, то задача заключается в исследовании самих вопросов и терминов, в них участвующих. Посредником, отделяющим этику от построения нормативного учения, выступает язык, так что этика Мура приобретает форму лингвистического анализа морального языка. Помимо того, философом ставится вопрос о содержании моральных терминов/концептов и его источнике. Однако далее исследование Мура столкнулось с границами, накладываемыми методологией аналитической философии (в

частности, с недопустимостью трансцендентальных методов философского исследования), что привело его к интуитивизму.

Если резко сменить характер примеров, и обратиться от собственно философских сюжетов к профессионально-практическим, мы так же увидим этот «второй порядок» проблем, выявляемых в рамках прикладной этики. Так, ценностно противоположные позиции Pro-choice и Pro-life обе «задействуют» теоретические проблемы определения личности, страдания, а также прав. Все это — независимые от дискуссий о допустимости аборта философские вопросы, от решения которых, однако, зависит обоснование обеих позиций. Выявление такого рода общих содержательных проблем — часть потенциала прикладной этики. Притом, следует отметить, что в наши дни методология и инструментарий прикладной этики только развивается, так что прикладная этика может рассматриваться не столько как новый этап развития этики, сколько как подготовка к этому новому этапу, его предтеча.

В качестве примера такой проблематики второго порядка можно указать на т.н. «моральные дилеммы» или «нравственные конфликты», исследование которых стало неотъемлемой частью современной этики — как теоретической, так и прикладной. Ситуация моральной дилеммы — это такая ситуация выбора между двумя моральными требованиями, когда одно из них неизбежно будет нарушено, и искренне стремящийся к нравственному выбору человек будет испытывать угрызения совести, поскольку одно из них он не сможет полноценно выполнить. Моральные дилеммы возникают как на уровне конфликта обыденных моральных представлений, так и попыток выполнить безусловные требования моральной теории, претендующей на непротиворечивую всеобъемлющую полноту и общезначимость.

Исходит ли сам этик из какой-либо нормативной или ценностной позиции? В истории меня привлекают те фигуры, которые опирались на представление о ценности именно философского опыта: ср. космополитизм киников, образ правителя как философа у Платона, рационализм и проект Просвещения (кантовская «смелость пользоваться соб-

ственным разумом») и т.п. Важно при этом не переусердствовать в подвижничестве, наши современники это не очень любят.

Перов В.Ю.

Уважаемые коллеги! На этой оптимистической ноте предлагаю завершить наше краткое обсуждение с надеждой на продолжение дискуссии.